

НИДЖАТ МАМЕДОВ

МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

Вся деятельность человека – это космоизация хаоса, упорядочивание случайности, постижение природы, превращение неизвестного в известное. И эта деятельность – стремление к счастью посредством познания и контроля / власти. Счастье – конечная цель всех исканий. В идеале счастье – это вечная молодость, здоровье, бессмертие, всеисилие (трансгуманизм). Но в реальности счастье это: для тела – сон, еда, секс, здоровье; для души – дружба, любовь, общение; для духа – творчество; для интеллекта – познание, анализ.

С научной точки зрения, прогрессистской точки зрения, человек выдумал Бога, чтобы самому стать Богом. Наверное, человек способен осуществить всё, о чем может помыслить, что представить, нафантазировать. Мифические элементы прошлого реализуются посредством техники. Мы фантазируем нечто в мифе, верим в это в религии, осмысливаем в философии и, наконец, воплощаем в науке.

Потребность в другом настолько сильна, что его отсутствие может быть вполне галлюцинациями.

Даже если мирового закулисья нет, а я почти уверен, что нет (чрезмерная сложность мировых процессов предполагает сетевой тип управления, а не иерархический; к тому же согласно принципу «бритва Оккама» надо выбирать кратчайшее объяснение), человеческому сознанию присуще стремление вечно выискивать второе дно, не довольствуясь поверхностью событий, то есть в условиях принципиальной нехватки знаний мы заняты домыслами, гипотезами и предположениями.

Всеми своими открытиями и провалами мы обязаны тенденции искать глубину.

Каковы факты на самом деле, мы не знаем. Мы предлагаем различные интерпретации. А уже в наше время интерпретации интерпретаций (Ницше).

Постмодерн не побежден, вот в чем дело.

Народ во все верит, философы не верят ничему, а правители пользуются моментом.

Вместо мирового закулисья можно с тем же успехом поставить рептилоидов, Сатану, инопланетян, матрицу.

Для психологически здорового человека характерна философия релятивизма, «пожелания».

Надо научиться принимать неопределённость, надо научиться *«любить жизнь больше, чем смысл жизни»* (Достоевский).

Все живое избегает страданий и стремится к счастью. Зачастую счастье одного оборачивается на деле страданием другого. Однако простейший «невидимый» вирус в очередной раз доказал, что *«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши»* (Джон Донн). Чтобы разорвать порочный круг обвинений, можно попробовать начать с себя, с неведения, исходной омраченности своего сознания. Буддизм утверждает, что вместе с гордыней и гневом неведение составляет три корня зла. Сейчас познание самого себя, усмирение своих аффектов, умение отличать деструктивную аффектацию от конструктивной экспрессии важно, как никогда раньше.

Хотя большинство тех, кто пользуется выражением «Özümü tanıyan oğlanam», готовы лопнуть от дутой важности, что никак не сочетается с самопознанием. Копаться в себе необходимо. Да, кроме дерьма, мало что найдешь, но хотя бы будешь

знать, что ты не избранный, снимешь корону с головы. И в качестве бонуса не будешь подмазываться к тем, кого мнишь с еще большей короной на голове. «Özünü tanıyan oğlan» в итоге должен понять, что *«найти себя невозможно, себя можно только создать»* (Томас Сас). И это самосозидание не должно ограничиваться одним телом – бодибилдингом, столь излюбленным современными азербайджанцами; необходимо совершать и внутреннюю работу, обретая подлинное достоинство.

И вот тогда мы перестанем творить идола из Бога, из знания, из *kisilik*, патриотизма, денег, любви, ибо любое идолопоклонство – грех. Кроме поклонения свободному человеку, к которому мы приближаемся. И вот тогда мы подойдем к пониманию того, что ни одна отдельно взятая идеология либо учение не в силах претендовать на полноценное объяснение реальности. И буддизм в том числе.

Буддизм прекрасно объясняет внутренний универсум, при этом не прибегая к идее Бога. Что замечательно. Однако социальным и политическим объяснительным потенциалом он не обладает, списывая внешнюю неустроенность на счет иллюзорности реальности, омраченности сознания и т.д.

Проблема существует не только в метафизической, эпистемологической и этической плоскости. Но и социально-политической. Ради объяснения темнот и тягот земной жизни мы выдумали жизнь небесную с богами, ангелами или нирваной, которые до поры до времени работали вполне сносно. Но вспомним повторно принцип Оккама: *«не приумножай сущности сверх необходимого»*. Материя – вот то, с чем можно работать. Надо менять не только свое восприятие, но и внешнюю реальность. Хотя буддизм утверждает, что внешней реальности нет. Буддизм говорит, смиришься и тогда сансара предстанет нирваной.

А может, выход не в смирении, а в бунте?

У человека, оказавшегося в тюрьме, есть две стратегии поведения: смирение и бунт. Хотя, нет, есть и срединный путь между смирением и бунтом – это исследование, вопрошание, философский подход к реальности. Трезвость философии и науки заключается в том, что первая учит задавать вопросы, а вторая дает временные, относительные ответы. В то время как обманчивая привлекательность религии и мистики в том, что те дают однозначный «ответ» и возможность субъективного переживания состояния «ответа».

С давних пор для меня идеальными объяснительными аналогиями реальности были миф о пещере и притча о слепых и слоне.

Миф о пещере рассказывает Платон. Речь в нем идет об узниках, закованных в пещере спиной к выходу и лицом к стене, на которой отражаются тени от реальных объектов снаружи. Видя лишь тени, несчастные считают, что это и есть истинная реальность. Но одному из заключенных удастся сбросить кандалы, выбраться наружу и увидеть, что реальны не тени, а объекты, которые отбрасывают тени из-за сияющего на небе Солнца. Когда узревший реальность узник возвращается к собратьям, чтобы поведать им освобождающую истину, те поднимают его на смех и, согласно одной концовке, прогоняют, согласно другой – убивают.

Притча о слепых и слоне повествует о трех слепых, которые ощупывают слона. Первый, ощупав хобот, говорит, что это змея. Второй, ощупав ногу, что это колонна. А третий, ощупав хвост, что это веревка.

Обе эти притчи могут иметь самые разные толкования: трагедия мыслящего человека, отвергнутого обществом; освобождение от тьмы неведения; невозможность познания объективной реальности и т.д. И обе эти притчи связаны со зрением, через метафору зрения они говорят о том, что для достижения глубинных слоев реальности необходимо умозрение.

Но возможна и социальная трактовка обеих притч. Возможен вопрос: кто и зачем заковал этих несчастных в цепи и заключил в пещеру? Кто и зачем ослепил этих несчастных?

Скажу иначе, продолжая зрительную аналогию. Если я вижу что-то криво, то, будучи человеком самокритичным, предположу в себе косоглазие, обращусь к окулисту, надену очки. Но если и после этого продолжу видеть объекты криво, то приду к мнению, что что-то не в порядке не только с моими глазами, но и с самими вещами.

И вообще надо смотреть вперед, а не назад, выбирать утопии, а не традиционалистские сказки.

Буддизм на самом деле – это очередная метафизика, реформированная, которая отказалась от индийского пантеона и прочих элементов. Хотя исторически буддизм тоже подвергся формализации и разным доктринальным усложнениям. Соответственно, буддизм тоже страдает разными метафизическими парадоксами и противоречиями.

Неведение в случае Будды – это, по сути, проблема отцов и детей. Буддизм ведь видит корень проблем в неведении, изначальной омраченности сознания. Так вот, это на самом деле социальная проблема отцов и детей. Ведь именно отец Будды «организовал» для сына эскапистскую жизнь во дворце, где тот не знал, что такое страдание, болезнь, старость и смерть. С ребенком говорить надо было. Подбирая верные слова и верную интонацию, говорить о непричесанной действительности.

Uşağı gərək gözüaçıq böyüdəsənki, götüaçıq qalmasın.

Надо говорить. Надо вырабатывать общий язык для консолидации с другими узниками и достижения спонтанной солидарности.

И надо отбросить интеллектуальную трусость: мыслить дальше бога, дальше государства, дальше гендера.

Раньше мое отношение к жизни можно было бы выразить знаменитым трехстишием Басё «Старый пруд. / Прыгнула лягушка в воду. / Всплеск в тишине».

Но сейчас, когда мне почти сорок, и со мной происходит трансформация, знакомая многим пишущим, а именно переход от романтизма к реализму, я предпочитаю другой опус о двух лягушках, угодивших в кувшин с молоком. Одна из них после долгих попыток выбраться, сдается и тонет в молоке. А вторая продолжает сопротивляться, продолжает прыгать и тем самым, взбивает молоко в масло, выбирается на твердую поверхность и спасается.

Я говорю о деятельной жизни, а не бегстве от жизни, не эскапизме. Умереть мы успеем всегда. Да и со смертью не все так однозначно и окончательно. Настанет день, когда смерть перестанет быть обязателькой. Об истинной свободе мы сможем говорить тогда, когда предзаданные вещи вроде социальной, расовой, гендерной принадлежности, вроде смертности можно будет выбирать по собственной воле. В фильме Жан-Люка Годара «На последнем дыхании» (1960) писатель на вопрос «Чего бы вы хотели достичь в жизни?» отвечает: «Стать бессмертным, а потом... умереть».